

а. сигорский

записки и шутки
терентьева

о ф е в р а л е

и о к т я б р е

о г и з и р з и

1

КОНЯШНЯЯ ОБЛЮТСКА
№ 197.
А. А. БУДОВЕРОВА.

C-34.

1875

А. СИГОРСКИЙ

ЗАПИСКИ МИШУТКИ ТЕРЕНТЬЕВА О ФЕВРАЛЕ И ОКТЯБРЕ

*

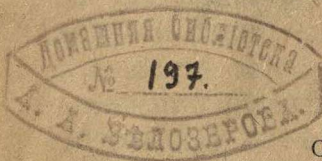
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

*

189287

*Дорогому
Александрю Андреевичу
от автора*

А. Сигорский

*24-26
1931*

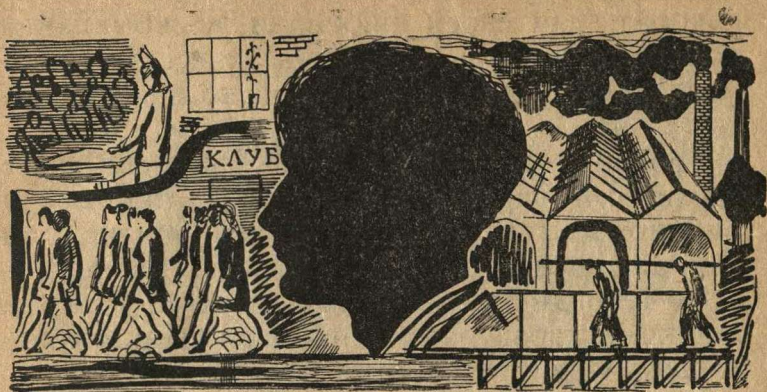
О Г И З

А в т о р: Александр Васильевич Си-
горский, подготовили к печати: техни-
ческий редактор В. В. Шахов, кор-
ректор В. А. Петерис.

*

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф, Н.-Нов-
город, Варварка, 32, в количестве
5000 экзempl. Крайлит № 3230. Заказ
№ 11231. Стат-формат Б₆ 125×176.
ОГИЗ НЖ Д-3 № 230. Печ. л. 2

Кто знал в Сормове в 1917 году Мишутку Терентьева, — 11-летнего парнишку, сына токаря Егора Терентьева, — тот вряд ли поверил бы теперь, что комсомолец и член завкома «товарищ Миша», Михаил Егорыч, и есть тот самый егоза и сорванец, который на глазах у всех рос в орлином рабочем гнезде Нижегородского края. Мишутка Терентьев теперь сам токарь, серьезный парень, по горло занятый то на заводе, то в ячейке и завкоме да еще и в пионеротряде, где он работает вожаком.

То, что пережил он в революционном семнадцатом году, крепко запомнилось ему, и через десять лет он решил поделиться воспоминаниями с пионерами своего отряда.

Поговорил в ячейке, в завкоме, чтобы освободили на несколько вечеров. «Хочу

говорит, для своей пионерии воспоминания написать: я, ведь, тоже участник событий..» Разрешили. Говорят: вали, только и нам почитай.

Товарищ Миша засел дома. Порылся в своем столе, с товарищами поговорил, почитал в библиотеке газеты (которые сохранились) за семнадцатый год. Дома разыскал свою детскую тетрадочку, в которой когда-то изредка детскими каракулями записывал свои впечатления о Феврале и Октябре.

Припомнил все, что было в семнадцатом, обдумал и засел писать—как было, как вспомнил.

РЕВОЛЮЦИЯ ВПРОГОЛОДЬ

Апрель 1916 года

Недовольны были своим положением рабочие и крестьяне давно, только это не прорывалось наружу (при царском правительстве за всякое свободное слово в тюрьму сажали). А война с Германией, которую царское правительство начало в 1914 году ради интересов русской буржуазии (да и французской, и английской, у которых с русскими капиталистами были общие интересы), только усилила это недовольство и ускорила революцию и падение царского самодержавия.

С 1916 года я и начну рассказ. Вот так:

... Помню, пришел папанька с завода поздно. Сел обедать и говорит:

— Ну, Агафья, войну с Германией мы, кажется, скоро кончим... а вот другая война, как видно, надвигается — всенародная, не на жизнь, а на смерть, до победного конца...

Агафья (я так маманьку свою звал, по отцову примеру) сердито холостые щи разливает и ворчит:

— Какая еще война? Мало одной-то!..

— А вот какая: революция! С германским народом помиримся да и пойдем в атаку на наше самодержавие да на капиталистов. Попили нашей крови, будет! В девятьсот пятом скрутили нас, а теперь — другое: возьмем в тиски, подвинтим гайку...

Агафья вздохнула, говорит:

— Хороша твоя революция... впроголодь! Измором вас возьмут... и то уж есть почти что нечего, а чай давно без сахару пьем.

А Егор (папанька) картошкой рот набивает:

— А ты полно, полно, Агафьюшка... Проживем! Ты смотри-ка: сын растет. Мы революцию устроим, а он после нас хорошую жизнь будет строить — без самодержавия, без капиталистов, без пайков... Правда, Мишутка, а? Ты, брат, теперь каждый день запоминай — пойдут великие события, которые во всех уголках мира откликнутся...

Май 1916 года

... Как Егор говорил, так оно и вышло: пришла революция.

Сначала устроили маевку. За несколько дней перед Первым мая, рано утром, до работы, пришел какой-то городской в пальто и шляпе и тихонько все о чем-то разговаривал с Егором. На завод вместе ушли. Вечером опять зашел, из-под пальто вытащил сверток маленький и говорит:

— Вот, товарищ Терентьев, туда с собой и захвати...

Куда это — туда, не сказал. Отец сунул сверток под кровать и заложил ящиком с картошкой.

На другой день, когда Егор пришел с завода, я не утерпел, спрашиваю:

— Ты что это за сверток под кровать спрятал?

Отец ничего не сказал, минуту задумчиво усами поводил, потом сверток из-за картошки вытащил и развернул, а там — все листики, листики, очень много, печатные, синими буквами, клейкие какие-то. Неразборчиво очень, только и разобрал (на каждом листке было напечатано): «В день 1-го мая — все на массовку». А сверху — «Российская социал-демократическая рабочая партия» и еще — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Отец спрашивает:

— Видал?

— Видал, — говорю.

— И помалкивай. Вырастешь — поймешь, что не зря это делалось, за правое дело...

Завернул сверток и спрятал опять за картошку.

Я решил: обязательно пойду на массовку. Должно быть будут события.

Утром 1 мая проснулся рано и все думал: что случится? Наверное, солдат из города пришлют, а те стрелять будут.

Егор ушел на завод, как всегда. К обеду вернулся веселый и сейчас же собрался уходить. Агафья удивилась:

— Куда это ты, Егор?

А отец сверток из-под кровати под полу, кепку нахлобучил — и к двери. А с порога бросил:

— Рабочий наш праздник справлять! Ты тут, Агафья, не беспокойся.

Маманька головой покачала:

— Заарестуют твоего отца, Михайло, чует сердце... И о чем думает? Останемся без пайка...

А я винтом за ним. Он к училищу — и я по пятам, он в лесок — и я. А там уже со всех сторон бредут наши заводские — кто одиночкой, кто кучками, и все дальше по лесу, к Мозыревой даче. Меня кто-то шугнул:

— Куда ты, шпингалет? Казацкой нагайки захотел, что ли?!

А мне нипочем. Точно крылья выросли. Папаньку из виду потерял. Примазался к двум масленщикам из механического цеха. Они спрашивают:

— И ты, сабза, на массовку?

— И я...

— А ты чей?

— Егора Терентьева, токаря...

— Ну, с таким орлом и взрослый не пропадет! Идем!

И пошли побыстрее.

За Мозыревой дачей, между болотами, по узенькой тропинке пробрались на лужок. А там — народу тьма-тьмушая, и сидят, и лежат, и в кучу сбились. Тот самый городской в шляпе, что у нас был, стоит среди толпы на высоком месте и кричит о чем-то так громко, что в ближнем лесу эхает. Я в самую кучу втиснулся, слушаю. Сначала ничего не понимал, только голос его задушевный расслезил меня так, что вот вскочил бы сейчас и сделал что-то такое особенное, большое, а что — не знаю. И умереть почему-то не страшно было. Так бы с голыми руками на солдат и пошел.

Потом немного успокоился, стал прислушиваться — что говорит городской в шляпе. Жаловался он на то, что рабочих обманывают со всех сторон — и царь и хозяева, — то на фронт под пули посылают, то в тылу измором берут и за гроши заставляют работать как скотину. Призывал готовиться к забастовке, — чтобы больше рабочим платили и паек увеличили. А когда кончил свою речь, поднял руку, сжал ее в кулак и закричал:

— Товарищи! У буржуазии и правительства и деньги, и заводы, и оружие, — а у нас только здоровый рабочий кулак. Но мы не боимся своих врагов, мы этим кулаком вдребезги разобьем царское самодержавие, а к солдатам пойдем и скажем: вы — крестьяне, а мы — рабочие, нас одинаково угнетают и обманывают, нам с вами по пути...

Так он всех разгорячил своей речью, что все, — кто лежал и сидел поодаль, — сбились в одну кучу вокруг него и закричали так, что в ушах зазвенело:

— Долой самодержавие!

Меня всего так и трясло. Я тоже кричал и кулак, помню, что есть силы сжимал.

А после городского папанька на вышку забрался. Смотрю, он будто другим стал, — не таким, каким видел его дома: и ростом выше, и сильнее, и голос за самое сердце берет. Говорил о том, что рабочих и крестьян повсюду много, а капиталистов — кучка; и о том, что об'единяться надо и прогнать эту кучку; и о том, что надо газеты читать и вступать в рабочую партию (на прокламации — листочки-то печатные — и написано было: «Социал-демократическая рабочая партия»).

Слушали папаньку серьезно; тихо стало на лужайке, сгрудились все. А у меня его слова в груди эхом отдавались, и казалось, что это и не он говорит, а мы — вся толпа — говорим в один голос и сами себя слушаем.

После папаньки начал-было говорить Ермилов, наш сосед, рабочий из кочегарки, про войну и про то, что ее давно кончать нужно, вдруг в задних рядах кто-то крикнул. Все всполошились, заоглядывались и увидали вдалеке отряд конных стражников. Кое-кто перепугался, бросились на-утек прямо через болото, по пояс в воде, а папанька выскочил на пригорок и зычно закричал:

— Товарищи! Полиции к нам не попасть: кругом болото, мы отсюда по тропочке выберемся. Спокойно!...

— А если стрелять будут?..

Папанька спокойно махнул рукой:

— Не будут...

И бросил в толпу пачку листовок-прокламаций. Листочки, как голуби, разлетались по воздуху, все со смехом стали ловить их и подбирать в траве (и я одну из-под чьих-то ног вытащил), а потом гуськом пошли к Сормову.

Пока шли по узкой тропке, смеялись и перешучивались, а как вышли на широкую дорогу—в передних рядах запели, и кто-то красный флаг высоко над головами поднял.

Пели все. Хорошая песня, боевая. Придя домой, нацарапал ее на кусочке бумаги, чтобы не забыть. И сейчас этот обрывочек хранится:

Вихри враждебные воют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы неизвестные ждут.

Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов,
За лучший мир, за святую свободу!

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

А потом... всех разогнали. В самом Сормове налетели на нас стражники (мы их «фараонами» звали), с шашками наголо, расшугали всех, красное знамя отняли, а того, кто нес знамя, отвели в участок. Мне так жалко было всех, что разревелся бы, если бы не стыдно было.

Егор пришел домой серьезный и печальный. Когда ложился спать, сказал мне строго (должно быть, видел меня на массовке, или сказали):

— Ты, Мишутка, осторожнее будь! По массовкам тебе еще рано бегать...

А с Агафьей долго говорил о борьбе рабочего класса и о социалистах и все ругал ее неосознательной. А она больше насчет пайка!

Июнь 1916 года

...Произошла «бабья революция» (так называл Егор).

Давно говорили, что наши лавочники спекулируют и мукой, и сахаром, и мануфактурой: продают втридорога; да и в продовольственных лавках приказчики прячут запасы про-

дуктов, а потом тайком продают их тем же бакалейщикам (деньги — себе). А мы стой в «хвостах» у лавок, да жди восьмушку сахара или фунт соли!

С этого и началось.

В среду Агафья пошла в очередь за сахаром, а меня послала в продовольственную лавку узнать, не дают ли муки. Муку еще не привезли. Пошел в сахарную очередь. А там что твоя массовка! Бабы кричат, руками размахивают, стекла в лавке побили, лавочнику синяков наставили. Я тащу Агафью домой, а она — куда тебе! — за толпой. Толпа к другим лавкам бросилась, а тут с завода рабочие на обед пошли, набралось народу несколько тысяч, все улицы запрудили.

И пошла писать губерния!

Шум, крик — точно на пожаре. Окна в лавках бьют, товары растаскивают, лавочников арестовывают, да так с собой по улицам под бабьим конвоем и водят. В обувном магазине посадили за прилавок своего человека, он и раздает всем ботинки: кому даром, кому за дешево. А деньги в кассу, как надо. В мануфактурном баба из очереди за приказчицу села и по десять аршин в каждые руки отмеривала. Смеху сколько было!

Агафью потерял, побежал домой. По дороге встретил Ваньку Шестопалова, соседа: тащит дамские ботинки на высоких каблуках и голову сахару. Кричит во все горло:

— Распределяют! Иди, и тебе дадут!..

Сам еле тащит.

Отца дома нет, я опять на улицу. А там — настоящая война. Фараоны прискакали, из города две роты солдат пришли, — идут штыками вперед, а у самих глаза бегают и губы трясутся. Народ по переулкам разбежаться начал. Кого-то арестовали, одна баба приставу новым ботинком нос расквасила.

Только к ночи пришли домой отец с матерью. Папанька злой. Маманька на него налетает:

— Ты где был?

— Тебя, дуру, искал. Думал, арестуют еще... А ты весь день где пропадала?

— Где, где! Революцию делала! Чтобы им ни дна, ни крыши!..

— Кому это?

— Правительству! Воевать заставляют, а накормить народ досыта не могут...

Егор улыбнулся, говорит:

— Ты у меня, Агафья, социалисткой скоро будешь. Только все-таки ты — дура. Лавки грабить — это что же, революция по твоему? Это — грабеж... Тут надо организованным порядком.

И давай спорить. Агафья злится (у нее бабы сахарную голову отняли), а Егор хохочет. Так я и уснул под их разговор.

Беспорядки не только у нас были. Егор потом рассказывал — и в Канавине, и в Моли-

товке. Арестовали 100 баб, но скоро освободили. А у кого что нашли — отобрали.

Июль 1916 года

... К Егору чуть что не каждый вечер приходят трое, запираются в его комнате и шишат там до полночи. Опять, думаю, жди событий. Егор ни о чем не рассказывает, только один раз сказал матери:

— Требования выработываем...

Я спрашиваю:

— Мамань, какие требования?

А она:

— Ну, какие требования! Бастовать опять хотят. Который уж раз наускаивают...

А в папанькиной комнате: трое спорят, а четвертый записывает на большой лист бумаги, и все какие-то, слышу, пункты.

... В механическом цехе уволили двух токарей за то, что с мастером повздорили. Он их за что-то выругал, а они к директору с требованием — требуем вежливого обращения. Обоих отправляют на фронт. Егор говорит: не было бы счастья... Теперь весь завод забастует и пред'явит требования.

После этого за Сормовом, в лесочке, опять была массовка, только я не попал на нее.

Егор все молчит, а Ванька Шестопапов рассказал, что решали там вопрос о забастовке на заводе и выработывали требования. Выра-

ботали 12 требований, а на 13-м не сошлись: о том, чтобы рабочий день был 8 часов. Говорят, государство не согласится и закроет завод. Тогда — или фронт, или голод.

... Как-то Егор вернулся с завода рано (еще до обеда) и с порога говорит:

— Ну, Агафьюшка, поджимай живот: забастовали...

Пообедал и опять ушел. А я за ним. Прибежал к главной проходной, толпа стоит огромная, а в завод не пропускают. Я через забор (штаны изорвал), разыскал отца, говорю:

— Через проходную не пускают, а там — толпа...

Он позвал каких-то, говорит:

— Сейчас здесь наша власть, надо пустить всех!..

И открыли ворота. На заводском дворе устроили собрание и стали говорить речи о расценках, о вежливом обращении, об уволенных токарях. Высыпали рабочие изо всех цехов, станки гудят, а они — руки в карманы и обсуждают. Так-то сообща все, дружно. Очень хорошо было!

Один оратор вскочил на возвышение и кричит:

— Значит, товарищи, принято? Бастуем, крышка, до победного конца!

Все закричали:

— Бастуем! Вали на отдых! Пусть буржуазия сама за нас снаряды точит!

Кто-то крикнул:

— Электрическую станцию остановить!

И гурьбой повалили к станции. А там — фараоны с винтовками. Я струсил, думаю: не дадут остановить станцию, стрелять будут. Да нет! Егор и еще двое подошли к самому усатому, который у двери стоял, и строго ему говорят:

— Посторонись, святой дух, рабочая власть идет!

Он глаза выпучил, да и посторонился. Кругом захохотали, загудели.

Станцию остановили. Завод сразу замолчал, точно умер или оглох. Все вразброд потянулись из завода.

Утром на другой день к нам пришли те самые трое, долго опять совещались. Ушли в завод.

Из города прислали целый полк солдат, половину из них ввели в завод, а остальных расставили по перекресткам. Говорили, что пришлют еще пушку и казаков с нагайками.

А мне и не страшно. Сейчас, думаю, рабочая власть! Посторонятся!

Ночью забежал Ермилов, схватил Егора за плечо, трясет, шепчет:

— Проиграно дело, Егор! Кулаком винтовку не перешибешь! Удирай, пока цел — фараоны уже арестовывают, по квартирам ходят...

Егор покачал головой:

— Не уйду! Посмотрим, как завтра они винтовками завод в ход пустят..

Ермилов опять его за плечо трясет:

— Да ведь, Егорушка, тебя да еще пяток заправил арестуют, мы как бараны заплутаемся, на веревочке нас на завод поведут и работать заставят...

Егор опять:

— Нет!..

А в окно и дверь в это время — стук! гро-
мых!

Фараоны!

Ввалились кучей с усищами, с револьве-
рами, с винтовками. Злые, как волки.

— Егор Терентьев — ты?

— Я.

— А это кто?

— Ермилов, кочегар...

— Одевайся!

И увели.

Агафья в карман отцу кусок хлеба сунула, а на прощанье и сказать ничего не успела. Ночью долго плакала.

В ту ночь захватили и всех остальных главарей; на другой день под охраной солдат пустили электрическую станцию. А рабочие понемногу встали на работу.

Приходил потом Ермилов (его выпустили) и рассказал, что всех арестованных отправили в тюрьму и предадут московскому военному суду. Уходя, сказал:

— Не бойся, Мишутка, отца твоего не расстреляют, побоятся сормовичей... На фронт, пожалуй, отправят...

...Жалко было Агафью. Насилу упросила в заводе принять ее на работу. Приняли в сторожихи. Паек, конечно, уменьшили. Хорошо еще, что на дневной смене.

Думал-думал и как-то после обеда говорю ей:

— Я тоже пойду в завод работать... Что тебе одной-то маяться!

Погладила меня по голове, ничего не ответила. Когда ложились спать, сказала:

— Хочешь работать в заводе,—пойдем завтра вместе. Поговорим с Ермиловым—может, устроит...

Утром пошли на завод, разыскали Ермилова. Он почесал в затылке, посмотрел на меня, и опять ушел. Мать ушла в сторожку.

Пришел наконец улыбающийся Ермилов и свел меня в механический (самый боевой) цех. Там подвел к какому-то чумазому и говорит ему:

— Ты, Степа, масленщик, а вот это тебе будет подмасленщик! Приголубь его, па-рень хороший...

Шлепнул меня по плечу и ушел.

И стал я рабочим человеком.

А дома Агафья поучала:

— Держись, Мишутка, за завод! Учись всему. Вырастешь — токарем будешь, как Егор.

Я так тогда же решил: обязательно буду токарем. И социалистом буду.

... Пришли к нам после работы двое партийных (я уже теперь узнавал их в лицо), поздоровались; сказали что суд над забастовщиками будет в Москве, не раньше, как в феврале будущего года. Потом один говорит Агафье:

— Вот что, Агафья Митревна... Товарищ Егор был нашей самой крепкой рукой и лучшим товарищем. Полиция посадила его в тюрьму, да и не его одного... Осталась нас маленькая кучка, и хотим мы снова наладить нашу рабочую (сказал: социал-демократическую) организацию. Вы, Агафья Митревна, вместо мужа помогите нам: нам и собираться негде, и литературу запрещенную хранить негде... Мы очень надеемся на вас!..

Удивился я очень: думал Агафья, как раньше, руками замашет, политиканами обругает, а она тихо в ответ говорит:

— Дело общее... согласна. Только вы уж и мне немного рассказыайте, что делаете. А то — обидно...

Они обрадовались:

— Неужто нет, Агафья Митревна! А вы посмотрите, да может быть и в организацию к нам вступите!..

— А вы баб-то принимаете?

— Для нас разницы нет, все равны. За это боремся. Дело общее, Агафья Митревна...

И все пошло по хорошему.

... Помню, Агафья посылала меня к Загвоздину за литературой. Спрятала листовки в подполье. Стала делиться со мной всем. Рассказала, что такое большевики (я понял тогда очень просто: это которые против войны и за рабочую власть). Книжки читать начала. Сердится, что плохо понимает, и заставляет Ермилова рассказывать обо всем своими словами.

... Прятали вместе еще листовки запрещенные. Агафья говорит:

— Ты мне помощником будешь, Мишутка. Мы теперь с тобой вместе: что отец делал, то и мы... Ладно?

А я от радости и сказать ничего не мог. Сжал кулак, как тогда на массовке.

БЕЗ САМОДЕРЖАВИЯ

Февраль 1917 года

... По заводу из цеха в цех передавали: на днях в Москве будут судить забастовщиков. Агафья рассказала еще, что в день суда завод будет один день бастовать. И другие заводы тоже согласились в этот день устроить забастовку. Воззвание ко всем рабочим об этом написали, целую ночь печатали его у нас, а я потом ночью расклеивал по всем заборам. Вот, думаю, если бы Егор увидел меня за этой работой!

... Забастовка прошла — что надо! Утром пришли в завод, посоветались и разошлись по домам. А завод дожидался следующего утра. Пусть чувствует буржуазия, что значит обижать пролетариев! И в Канавине бастовали, даже демонстрацию с красным флагом устроили. В Молитовке полиция бастовать не дала...

Губернатор опять прислал в Сормово три роты солдат. Наши партийцы попробовали уговаривать их перейти на нашу сторону. Солдаты оглядывались на своих офицеров и молчали. Трусили.

... Военный суд осудил только двоих. Егора отправили на фронт. Прислал Агафье письмо, пишет: «Наплюй тому в глаза, кто говорит,

что революция проиграна. Будет революция! Скоро! Такая, что небу будет жарко!»...

Я тоже так думал. Агафья всетаки заплакала над письмом: жалко Егора.

... В Сормове стало очень тревожно. Рабочие поговаривают, что скоро будет настоящая революция и что начнется она в Петрограде*), а потом перебросится на фронт, и тогда самодержавию крышка.

Один из наших (большевик) ведет работу среди солдат. Ермилов рассказывал, что солдаты очень злы на свое начальство. Если в Сормове или в городе будет вооруженное восстание, они стрелять в нас не будут.

Агафье не верится.

Будет революция — вернется Егор (так думаю). Расскажу ему, как я расклеивал забастовочные листки, и как мы провели забастовку.

... И, как громом, взволновало вдруг всех известие: в Питере революция. К нам эту весть принес наспех забежавший Ермилов. Влетел в обеденный перерыв — чумазый, задохнулся:

— Агафья!..

Агафья глаза выпучила:

— Батюшки!.. Случилось что-нибудь?

— Случилось, случилось, Агафьюшка! Вот... вот... вот уже и революция стряслась.

*) В то время так назывался Ленинград.

И сразу как-то успокоился и толком рассказал:

— Питерские рабочие революцию начали. По всем заводам забастовали, вышли со знаменами на улицу — такой толпой несметной, что уличное движение остановилось. Пошли через мост к центру города, а навстречу, на мосту солдаты... Рабочие — грудью к ним, шапки в воздух, знамена красные выше. А солдаты... винтовки за спину — да под красные знамена, брататься с рабочими...

У Ермилова губы запрыгали:

— А потом гвардейские полки, царская надежда, тоже в революцию вошли. Первым Волынский полк, потом Литовский, Преображенский — офицеров по-боку, оркестры вперед, и тоже на улицу... Было и боев много на улицах — с полицейскими и драгунами...

Вечером у нас тайное собрание было. Приехавший из Питера обо всем рассказал.

После всеобщей забастовки рабочих — при Государственной думе (рабочих и крестьянских представителей было там очень мало) образовалось новое правительство из членов этой Думы. Солдаты полками приходят к Думе — сказать о том, что поддержат новое правительство. Царских министров арестовали. Сам царь — на фронте. Ждут, что солдаты на фронте скажут. А пока — рабочие Совет рабочих депутатов избрали, а солдаты — Совет солдатских депутатов.

Приехавший из Питера рассказал это и говорит:

— Нужно нам по всем заводам забастовать и прогнать старую власть. В Канавине уже готовятся... Ермилов, давай организуй собрания по цехам!

А я — пола под собой не чувствую, взяться не знаю, за что. Увязался с Ермиловым в завод.

... Все нижегородские заводы и фабрики объявили всеобщую политическую забастовку. Требование одно: долой самодержавие! У нас по цехам и в других заводах стали выбирать в Совет рабочих депутатов. Проходят и большевики, и меньшевики, и эсеры (не разбираюсь в этих названиях, надо спросить Ермилова). Только я — большевик, как и Егор.

Агафью в совет выбрали! Эх, Егора бы сюда!..

Март 1917 года

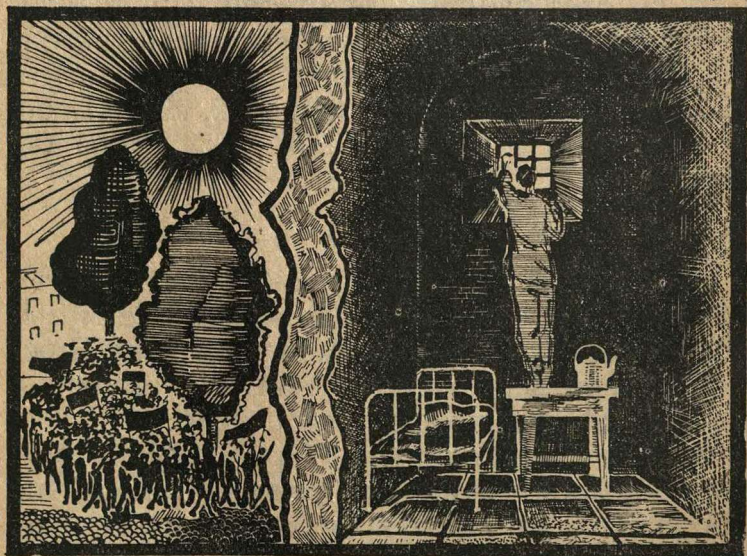
... Устроили демонстрацию (в несколько тысяч человек!) с красными знаменами, с музыкой, и пошли в город. В Канавине и на Нижнем базаре встречные кричали: «Сормовичи идут! Ура!» и присоединялись к нам.

В городе на площади (перед думой) был уже большой митинг (собрание). Народу — не протолкнуться. Пели, кричали, говорили речи. Я видел — многие плакали, особенно женщины. Я не плакал, только крепче вцепился

в древко знамени, которое мы несли вместе с Ермиловым и масленщиком из механического цеха.

Ораторы говорили с памятника. Городской голова Сироткин (пароходчик, тоже буржуй), поздравляя всех, говорил о постройке университета. А мне он не понравился: говорит, как лавочник за прилавком — «граждане рабочие!», а сам—поди—о прибылях думает...

Рабочие потребовали освобождения из тюрьмы всех политических заключенных, а Сироткин мялся и все обещал поговорить

с кем-то там по телефону. Тогда мы всей толпой (и я — как все!) сами пошли к тюрьме.

В одной тюрьме надзиратели, не спрашиваясь начальства, сами пропустили наших выборных в здание тюрьмы, а в другой — начальник тюрьмы вышел навстречу к толпе. Его заставили взять под козырек перед красным знаменем. Я тоже проскользнул с выборными в тюрьму. Гляжу: заключенные, точно маленькие, смеются и плачут, целуются друг с другом. Мы их из тюрьмы на руках вынесли.

Потом снова устроили демонстрацию и ходили с музыкой по Большой Покровке (теперь эта улица называется Свердловской).

Вечером я едва до дому дошел и уснул, как убитый.

... В Нижнем общий Совет рабочих депутатов организовали: там и городские, и канавинцы, и наши сормовские депутаты (у нас в Сормове — вроде отделения, бюро). Совет поместился в губернаторском доме; назвали его Дворец свободы. Потом Совет солдатских депутатов тоже организовался. Скоро в городе будет съезд крестьянских выборных со всей губернии, выберут Совет крестьянских депутатов.

А власть в городе новая, но не от советов: общественный комитет. В него входят представители рабочих, солдат, крестьян, а

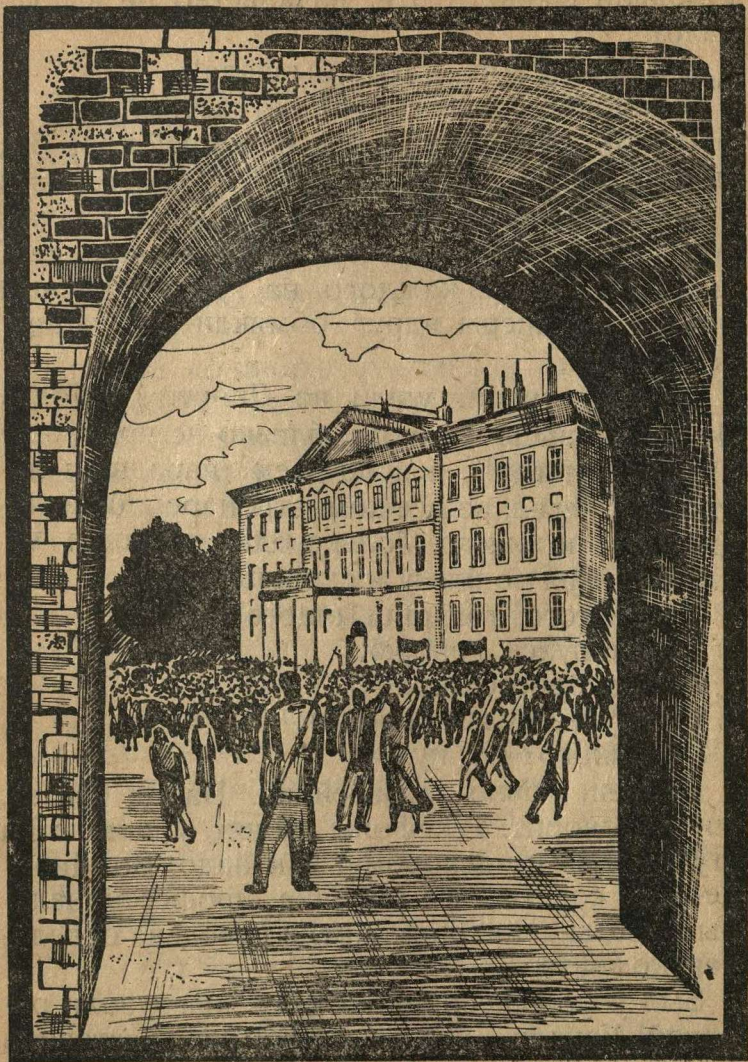
вместе с ними и заводчики, и попы, и чиновники. Смешанная власть. Как они там, думаю, сговорятся? Раньше ведь так: рабочие — это мы, а капиталисты — это враги наши. А у крестьян раньше враги были: помещики, попы.

Трудно мне было решать этот вопрос, решил подождать. Советы, пока что, распоряжаются, а в общественном комитете буржуазия спорит, но подчиняется (наших-то больше). Только тормозит.

Распорились о том, арестовать ли губернатора, полицеймейстера, жандармов, а рабочие депутаты пошли и арестовали их. А мы в своем Сормове, не дожидаясь распоряжений, разоружили всех полицейских и стражников и организовали милицию из рабочих. Канавинцы тоже так сделали.

... Не утерпел и опять был в городе. Опять на праздник попал: весь гарнизон *) со своими полковыми знаменами и с музыкой, все полки и команды — стройно прошли от казарм к нашему Дворцу свободы, а потом на площадь — праздничные речи говорить о революции. Полковые знамена с нашими красными знаменами перемешались, солдаты — с рабочими, с горожанами. Одна радость была смотреть... Солдаты-то в первый день революции по казармам сидели, в демонстрациях не уча-

*) Городские войска.

ствовали (может быть, начальство не выпустило).

Эх, Егор, Егор, — тебя бы сюда!

Я нарочно среди солдат затерся, слушал — о чем-то они говорят? Все о войне: пора бы, мол, кончать, да по домам. И о земле говорили. Совсем не похожи на прежних солдат. А когда-то штыки против нас, рабочих, держали! Теперь у каждого на груди красный бант. И офицеры вдруг обмякли — «товарищ, товарищ»...

С демонстрации ушли во Дворец свободы. Чудно! Раньше и к дому близко не подпускали (губернатор!), а я по всем парадным лестницам бегал, во все комнаты нарочно заглядывал, — и ничего. Только один товарищ хлопал меня по плечу и спрашивает:

— Вы кого, товарищ, ищете?

Я улыбнулся, говорю:

— Так просто, никого...

И он улыбнулся, говорит:

— Никого? Ну, ну...

Дворец, точно муравейник. Народ бегают, сует, говорит. Телефоны звонят, машинистки стучат. Все по-деловому, как надо. Во Дворце — все советы, все рабочие профессиональные союзы, а каждой партии отведена отдельная комната.

Был у большевиков. Сразу нагрузили работой. Узнали, что из Сормова, заставили

отнести в Сормовский совет московские газеты:

— Ты вместо почталиона вали, товарищ Мишенька!

Какой я им Мишенька?! Ладно, снесу.

Услышал во дворце, говорят: царя арестовали. Теперь это даже и не удивляет: так и должно быть. Теперь, думаю, бога на небе арестуют, и то ничуть не удивишься. На то и революция.

• При мне во дворце раздавали всем «Известия Нижегородского совета рабочих депутатов», нашу рабочую газету. Слышал, как один депутат читал газету вслух, а кругом слушали. Притиснулся я, уши наострил,—о новом правительстве написано:

«Свершилось! Страна вновь вступила в открытую борьбу со старой властью и на этот раз одержала полную победу. Главнейшие сторонники царской власти находятся под арестом, и постепенно всюду на местах эту власть сменяют представители революционного народа. Во главе борцов стоят Совет рабочих и военных депутатов и Временное правительство, назначенное по соглашению с рабочими депутатами...».

Председателем нашего общего Совета рабочих депутатов выбрали большевика Лосева.

Дома Агафья обрадовала: может быть Егора вернут с фронта на завод, как хорошего токаря.

НОВАЯ ВЛАСТЬ

Март 1917 года

... Агафья пропадает целыми днями: то в сторожке, то в совете. Выбрали ее в комиссию по организации продовольственного дела на заводе. Меня (по просьбе Ермилова, он в Исполкоме) назначили в совет для «связи; говорю по телефону, разношу пакеты. Снуешь все время, как челнок в машине. Хорошо!

В Нижегородском совете работа идет что надо! В уездах тоже советы организуются, крестьяне новые порядки устанавливают, с нас пример берут. Скоро с'езд будет всех советов по губернии. А Исполнительный комитет (тот, в котором и буржуазия уселась) ни дышит, ни умирает, все равно без рабочих депутатов ничего сделать не может.

Чего-то я не понимаю. Должно быть, революцию еще не доделали: на заводах все те же хозяева, и лавочники опять понемногу спекулировать начинают. Натолкнул меня на эту мысль масленщик Степа: я ему про то, что мы теперь новые порядки по своему устраивать будем, а он сплюнул на сторону и бурчит:

— Не сразу, не рабочая еще власть у нас!...

А толком не об'яснил.

Апрель 1917 года

... Ура! Егор приехал! Бритый, худой, в солдатской форме.

О фронте рассказывал. Тяжело там: будто на чужой бойне работаешь. Противно! Говорит:

— Войну надо во что бы то ни стало кончать и скорее. Буржуазии она нужна, а не рабочим и крестьянам.

Когда узнал, что Агафья в совете, ржал, как лошадь. А потом серьезно говорит, как товарищу:

— В организацию, Агафья, вступай! Я, ведь, зря смеюсь — от радости. Мы рабочие люди и наше место в рабочей партии.

И еще рассказал про большевиков и меньшевиков. После этого я лучше во всем разбираться начал.

Большевики за то, чтобы всю власть — рабочим и крестьянским советам, землю отдать сейчас же крестьянам, никакой войны — мир без всяких послевоенных налогов, на за-

водах — контроль (смотреть, правильно ли завод работает и не зря ли наживается хозяин); а кроме того — восьмичасовой рабочий день при хорошей оплате и легкие условия труда. А меньшевики хоть и говорят, что они за рабочих, да как-то не по нашему: чтобы не сразу, да с капиталистами мирно жить, не ссориться, а теперь и совсем дудят в дудку наших врагов.

Я спрашиваю:

— Егор, а эсеры это кто же?

— А это, говорит, тех же щей да пожиже влей. В 1905 году и позднее они нога в ногу с нами шли против самодержавия, а теперь, что твои меньшевики, если не хуже: боятся революцию до конца доделать и плетутся с капиталистами...

Агафье это не понравилось. Заспорила:

— Что-то ты мелешь, Егор! Да у нас в совете большинство эсеров, и председатель—эсер... Рабочие все. Чай, не за буржуазию же?! Меньшевиков, правда, немного—и злые, как собаки.

Егор покусал усы, помолчал.

— Легковерны мы очень, Агафья! Верим хорошим словам да обещаниям, а на деле проверить не умеем... Ничего, все это выветрится, эсерство-то!... Рабочий не может по пятам за буржуазией итти, прихвостнем быть. Тут одно: даешь рабочую власть, и вали в атаку на капиталистов!

На этом и кончили разговор. А я про себя опять решил: все-таки я большевик.

... Егор опять в своем цехе работать начал. Выбрали его кандидатом в члены Сормовского совета.

... В Питер приехал из-за границы Ленин. Егор об этом рассказывал с горящими глазами. Это, говорит, вождь, наш маяк, знамя пролетарской революции. Показал в газете речь Ленина. Хорошая. Так и режет: никаких соглашений с буржуазией, даешь рабочую власть!

А Временное правительство только и делает, что соглашается с тем, что буржуазия предложит.

Опять трудно понять: в Питере Временное правительство, революционное,—а социалистов в нем нет (Керенский—какой он социалист?). В нашем совете—рабочие депутаты, а Егор их прихвостнями буржуазии ругает. Спросил про это Ермилова. Он усмехнулся и говорит:

— Не поймешь ты этого, Мишутка... Ленин правильную линию взял: организуй рабочую власть, не давай ходу буржуазии, а то с'ест она тебя с потрохами! Буржуазия—это волк в овечьей шкуре... Посмотрим, в какую шкуру Временное правительство оденется и каким голосом министр-председатель Керенский запоет!. А в советах мы еще поборемся! Депутаты наши по несознательности за меньшевиками идут. Выветрится, небось...

... Ванька Шестопалов написал углем на заборе: Да здравствует народный вождь Керенский!... Стал ему об'яснять, что за птица Керенский, — это, мол, волк в овечьей шкуре, — а он огрызается:

— Ишь ты, весь в отца пошел... Видать — большевик... пломбированный!

— Какой,—спрашиваю,—пломбированный? Рассказал, будто товарищ Ленин—немецкий шпион и привезли его в запломбированном *) вагоне.

Дал ему раза по уху.

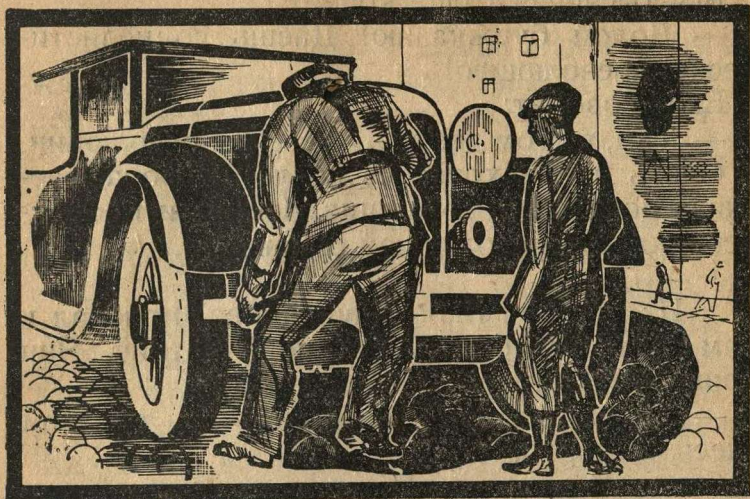
Дома сказал Егору. Егор нахмурился:

— Дурак твой Ванька! А по уху ты ему зря дал: это, брат, не довод...

И рассказал мне, как в Питере рабочие и матросы Владимира Ильича встречали.

Пришли многими тысячами. Из вагона на руках вынесли. У вокзала он с броневика речь говорил — не такую, какие теперь во Временном правительстве поют: эта, говорит, революция — буржуазная и власть находится у нашего классового врага, буржуазии. Нам от нее хорошего ждать нечего, нужно готовиться к новой революции — рабочей, социалистической. Только тогда мы завоюем рабочую власть и установим справедливые для всех порядки — для рабочего класса и беднейшего крестьянства...

*) Запломбированный — запертый и опечатанный.

Отвезли товарища Ленина во дворец. С балкона этого дворца он к кронштадтским матросам речь говорил. Они хотели его на вокзале встретить, торопились, по талому снегу пешком из Кронштадта шли, — да опоздали. Ильич им говорил про буржуазию и ее прихвостней, которые хотят революцию удушить.

— Товарищи матросы! Как вы думаете, кому нужна теперешняя война?

Из передних рядов ему кричат:

— Керенскому! Капиталистам! Соглашателям!

А Ильич опять спрашивает:

— А что нужно, товарищи, чтобы рабочим и крестьянам власть в свои руки взять?

Вся тысячная толпа кричит:

— Долой буржуазию! Даешь социалистическую революцию!

Егор говорит:

— Там, в этом дворце, — сердце революции. Очень мне захотелось после Егорова рассказа послушать товарища Ленина и посмотреть, как он революцией руководит.

... Из деревни (из-за Лукоянова) приехал к нам Агафьин брат — Митрий Митрич. Яиц привез, масла.

— Подкормитесь — говорит, — а то вам здесь, поди, голодно...

С сыном приехал. Парнишка смешной, кудластый, в отцовых сапогах. Зовут Мишкой. Сначала мы оба на «Мишку» откликались, а потом Егор велел звать его Мишкой просто, а меня — как раньше — Мишуткой.

Агафья как-то спрашивает:

— Мишань, а у вас в деревне тоже, чай, революция?..

Мишка носом смыгнул, поболтал под столом ногой и говорит:

— У нас никакой революции нет — все по хорошему... Уряднику морду набили, теперь без урядника живем. Много лучше.

Посмеялись.

Егор говорит:

— У вас, Митрий Митрич, все значит гладко прошло, без забастовок?

Дядя Митрий в бороду улыбнулся, говорит:
— Конечно, гладко. Давно такого случая ждали. Минтом все оборудовали: урядника, действительно, прогнали, волостной комитет избрали вместо старшины... Все как надо. Теперь сами себе начальство...

— А насчет земли как? Не ссоритесь?

— Между собой насчет земли не ссоримся, а вот с помещицей нелады, надо думать, будут.... Попросту говоря, хотим подчинить ее своей власти. Что ей? Земли — девать некуда, леса — по всему уезду большими кусками. А у нас и того, и другого в обрез... нехватает, Ждать нам до Учредительного собрания некогда: есть хотим. Отберем, пожалуй, землю-то! И ей конечно, оставим, — пусть кормится, не жалко...

Егору очень понравился этот рассказ. Загорелся, давай дяде Митрию про социалистическую революцию рассказывать. Дядя Митрий сначала сунулся, а потом тоже загорелся. Хлопает кулачищем по клеенке и приговаривает:

— Правильно ж! Правильно, сук им в нос!

А к ночи сознался все-таки:

— Беспокойный вы все-таки народ! Хорошо это, пожалуй... Только мы в деревне по другому: уладить бы все поскорее, да в спокойе и за работу опять...

... Провожал дядю Митрия с Мишкой. Дядя Митрий, прощаясь, велел передать Егору:

— Скажи, разговор его запомнил крепко. В деревне мы теперь такую... завинтим! До самого Ленина дойдет...

...В городе забастовки чуть не каждый день вспыхивают. Каждый завод бастует, каждая мастерская. Это потому, что власть у нас еще не рабочая, а совет мямлит. Издал приказ о восьмичасовом рабочем дне, а капиталисты ему не подчиняются, жмут попрежнему. Расценки не увеличивают, за свою прибыль боятся, а продукты в лавках все дороже и дороже. Как жить-то? Того и гляди (в заводе говорят) и мы в Сормове забастуем...

... Рабочие Нижегородским советом недовольны. Так и говорят: «Какой это рабочий совет, если он с буржуазией поссориться боится? Надо новых депутатов выбирать...». По заводам резолюции выносят: переизбрать совет, долой соглашателей!

Большевиков в организации становится все больше.

Егор руки потирает:

— Правильно! Рабочий возьмет свое! Чуть-ем поймет!...

Агафья его во всем слушается. В организацию записалась. Меня не берут: мал...

... Забастовка на Сормовском заводе началась после того, как наш заводской комитет послал правлению завода, в Москву, требова-

ние об увеличении расценок, а Правление это требование не приняло: у нас, говорит, денег на прибавку нет, — пусть государство на это свои деньги дает.

Мы и забастовали.

Егор в стачечном комитете орудует. Слушаются его. Большевиков куда больше слушать стали, чем раньше. Должно быть, думаю, эсерство-то выветривается. Забастовали по порядку, как по нотам: завод остановили, ничего из Сормова заказчикам не отпускаем, запретили вино продавать, бастующим стачечный комитет пособие выдает. От других заводов тоже жертвования поступают на поддержку забастовки. Продовольственные лавки оставили работать, как раньше. Свою уличную охрану организовали. Одним словом, как в рабочей республике.

В городе так и говорят: Сормовская республика.

С Временным правительством не сговоришься: хотя в нем теперь и есть социалисты, но соглашатели, из меньшевиков и эсеров. Министр труда Гвоздев прислал по телеграфу приказ: немедленно начать работу на заводе, а мы-де здесь разберем, кто виноват. А стачечный комитет ему в ответ: удовлетворите наши требования, тогда и начнем работу, а до тех пор ни одной пушки, ни одного снаряда из завода не выпустим! (Наш завод на военные нужды тогда работал: пушки лили и

снаряды точили). И еще постановили: если владельцы завода не согласятся увеличить расценку, — требовать передачи завода государству (капиталистов — по шапке), а управлять производством будут сами рабочие.

... Министерство труда все договаривается с правлением завода, а работа стоит. Решили послать к министру делегацию. Собрались ехать трое: Егор, Загвоздин и депутат Нижегородского совета. Я к Егору пристал:

— Возьми меня с собой!

Егор отмахивается:

— Чего тебе там делать, дуранда маковая?

Я говорю:

— Возьми, Егор! Я мешать не буду. Мне бы только товарища Ленина послушать...

Посмотрел мне в глаза, погоготал.

— Ладно, — говорит, — в этом отказать нельзя. Собирай свои пожитки!..

Ехали в поезде ночью. Отец с товарищами все о забастовке и министерстве говорили, а я в окошко смотрел, в темноту, на огни. Казалось мне: вот, у каждого огонька народ наверное сидит и про революцию газету читает. А колеса под вагоном приговаривают: то-ва-ри-щи... то-ва-ри-щи...

Так, сидя у окна, и уснул.

Москву только краешком видел — от вокзала до вокзала. Громадина город! Неужели, думаю, извозчики здесь все улицы помнят?

А потом—опять в поезде. К Питеру.

Приехали утречком, в тумане. Долго бродили по каменным улицам, на вывески заглядывали. В номерах чай пили. Потом делегаты ушли министерство разыскивать, а мне Егор до него не велел из номера выходить:

— Заплутаешься в этой Америке..:

Терся я, терся в номере около окон, — да и надумал: пойду Ленина искать! К обеду вернусь, Егор не заругает. По всем лестницам сбегал — и на улицу:

Направо, налево — дома. Направо и налево автомобили бегут. Пошел за трамваем. Помню, что Ленин во дворце Кшесинской живет (рассказывали). Решил спросить кого-нибудь— как пройти? На углу наткнулся на какого-то в шляпе, с длинными волосами. Побоялся спросить: соглашатель какой-нибудь, арестует еще. На другом углу автомобиль стоит и около него парень в кожаной куртке возится, — такой же чумазый, как масленщик Степа. Этот, думаю, не выдаст. К нему:

— Товарищ, как мне в дворец Кшесинской пройти?

Чумазый быстро повернулся, посмотрел на меня, покрутил головой, спрашивает:

— А тебе зачем?

Осмелел я, говорю:

— Товарища Ленина повидать...

Посмотрел он мне под шапку, хмыкнул.

— Ты, милый... из какой страны приехал?

— Из Сормова... — говорю.

— Из Сормова?! С отцом?

— С отцом.

— А где же он?

— В министерство пошел...

— Та-ак...

Хмыкнул, заулыбался.

— Чудной ты, парнишка! Не найдешь ты один Ленина, заплутаешься... Знаешь что? Ты парень, видать, ухо с глазом... Я скоро в ту сторону поеду, а ты повертись тут пока около машины, а как увидишь, что я собираюсь ехать, возьми да и подсядь на подножку... Незаметно только, малыш! И держись крепче. А я тебе скажу, когда слезать.

Так я и сделал. Шмыгнул, когда надо, на подножку и вцепился во что-то. Ох, и страшно было! Чуть не раскаялся, что сел.

Собрался уж было спрыгнуть (думаю: лучше так дойду!), — слышу над головой автомобильщик кашлянул. Я — голову кверху, а он подмигнул и показывает глазами куда-то в сторону, и поехал тише. Я — прыг (и спасибо забыл сказать), — и в сторону.

Передохнул, огляделся, вижу: мост. Через мост рабочие с красными флагами идут и поют. Я за ними. Перешли через мост, вправо повернули. Смотрю, а немного впереди толпа стоит и в ней тоже много красных флагов. Разглядел: толпа стоит у каменного забора, на углу забора — вышка, вроде балкона, а дальше за

забором — большой дом окнами блестит. Эх, — думаю — да ведь здесь-то и живет товарищ Ленин, наверное! Бегом туда, в толпу.

Втиснулся, — ничего не видно. Давай толкаться вперед. Угодил к знамени одному. По-свободнее и балкон видно. Это-то и надо.

Ждали, ждали. Пели кругом. Ораторы кругом говорили, — то же, что и у нас. Я почти что и не слушал. Потом — гудок сзади, автомобиль. Все головами завертели.

— Едет!

— Где? Где?

— Вон, на мосту...

Отхлынули все немного, сгрудились плотнее, а автомобиль прямо в самую толпу в'ехал и остановился. В автомобиле встал человек в кепке, с бородкой, и сразу закричал громко:

— Товарищи!

Все заволновались, шапки с голов, замахали. Гул по толпе пошел. А человек стоит в автомобиле, во все стороны поворачивается и говорит, говорит:

— ... Правительство буржуазии испугалось революции. Оно готово вызвать с фронта темных солдат и заставить их стрелять в рабочих. Буржуазия хочет с корнем вырвать нарождающуюся социальную революцию, в которой они винят большевиков....

Только тут я понял, что это Ленин говорит, и полез ближе к автомобилю. А товарищ Ленин кричит:

— Товарищи рабочие! Не верьте лживым словам Временного правительства, оно заберет вас в ежовые рукавицы!.. Будьте готовы к бою за наше рабоче-крестьянское правительство, которое одно сможет дать вам мир и свободу...

Говорил он недолго, а потом махнул кепкой (прощайте, мол), сел в автомобиль и уехал. А рабочие демонстрации опять пошли через мост.

Долго я плутал по улицам. Реветь уж собрался, — да наткнулся на дяденьку в кожаной куртке, с ружьем на ремне. Он и довел меня до номеров, где мы с делегацией остановились.

Отец не очень ругал: испугался за меня, да и делами был очень занят.

Говорили между собой, что скоро в Питере будет восстание против Временного правительства. Будут требовать нового правительства и мира с Германией.

Министерство труда обещало прислать в Сормово своего комиссара, расследовать насчет забастовки и повышения расценок.

С тем и уехали обратно.

СОЛДАТСКОЕ ВОССТАНИЕ

.... Пришел в пятницу во Дворец свободы с пакетом, а там все волнуются. Командующий военным округом полковник Верховский отдал приказ отправить на фронт наш 62-й

полк, а солдаты не хотят идти, — пусть, говорят, другие пойдут, которые не воевали, а всю войну дома сидели; да и пора бы, говорят, совсем войну кончать, — что зря кровь проливать — ради буржуазии, что ли?

Председатель солдатского совета Налетов (меньшевик) прыгает около телефона, кричит, а ему в трубку: нет, не пойдём!

Не знаю, что дальше было, только когда пошел обратно в Сормово, видел у дворца демонстрацию солдат 62-го полка, со знаменами. На знаменах надписи: «Долой войну!». Налетов выбежал к солдатам, начал убеждать их, раскричался, обругал шкурниками. Из передних рядов на него с кулаками бросились, а он — на-утек во дворец...

Егор думает, что гладко это не пройдет. Каша заварится.

... Заварилась каша. Рассказывал депутат Нижегородского совета, большевик:

По приказу полковника Верховского в Нижний приехали московские юнкера и вместе с нижегородскими юнкерами, ночью, пробрались в поле, к казармам 62-го полка. Юнкеры — это будущие офицеры, папашины сынки, белая кость, — опора Керенского в борьбе с большевиками. Окружили казарму, выставили пулеметы и заставили солдат идти к вокзалу, чтобы ехать на фронт. Солдаты сначала сбились в кучу (их еще раньше разо-

ружили), а потом осмелели и начали поодиночке разбегаться по казармам других полков. По дороге кричали:

— Товарищи! В нас стреляют!

Солдаты из других полков бросились выручать их, стали перестреливаться с юнкерами (убили несколько человек), а затем окружили их, обезоружили и отвели в город, — сначала в Грузинские казармы, потом — в тюрьму.

А на другое утро выборные от гарнизона явились в Совет рабочих и солдатских депутатов и заявили там, что соглашательский совет толкает солдат на кровопролитие, и они его не признают. Выбрали свой Временный революционный комитет по управлению городом.

Революционный комитет захватил телеграф, объявил себя временной властью в городе и назначил пере выборы советов. В него вошли — кроме представителей гарнизона — также представители всех трех советов и профессиональных союзов, — почти все большевики.

... Большевистский комитет решил: скоро будет горячая схватка с буржуазией и ее защитниками, — надо создавать свою Красную гвардию из рабочих, а для этого раздобывать оружие. Революционный комитет с этим согласился. Решили: ночью, чтобы не пугать в городе обывателя, открыть арсенал (это в

Кремле, недалеко от совета, там—склад винтовок), забрать оружие и спрятать его до поры до времени.

Егор вернулся из комитета поздно ночью, разбудил Агафью и меня, командует:

— Агафья, ты тут подомовничай, а мы с Мишуткой на вылазку пойдем!... Ты, Мишутка, одевайся поскорее, — да потом держи язык за зубами!...

Быстро собрались и — в город. В темноте пробрались в Кремль. В Кремлевских воротах уже стена штыков и вокруг арсенала — тоже.

В темноте чей-то голос командует:

— Открывай!

— Ключей нет...

— Ну, ломай замок!

Звякнуло. Сломали. Охалками стали таскать винтовки и складывать их на грузовик. Меня заставили с фонарем стоять в самом арсенале. Навалили на грузовик.

— Готово?

— Готово!

— Отправляйся! Охрана — во дворец!

Мы с Егором и еще кое-кто — на грузовик, — и загромыхали вниз с горки.

Винтовки на одном канавинском заводе сгрузили и спрятали в какой-то пустой склад.

Дома Егор веселый был и все шутил. Над Агафьей подсмеивался:

— Теперь, брат, у нас кулак будет не голый, — железный кулак, жесткий! Верно, Ми-

шутка? Придет время—мы и тебя, Агафья, красногвардейкой сделаем, а? Только тебя учить еще надо — стрелять-то...

А Агафья ему серьезно:

— Ну что ж? Поучусь.... Ты ведь научился? Руки у меня крепкие...

Совсем она сознательная стала.

На некоторых заводах Красную гвардию уже организовали, — только оружия у них мало, больше револьверы.

... По телефону из города позвонили: из Москвы едет в Нижний «наказывать» восставших солдат сам полковник Верховский — с солдатами, казаками, броневиками, пушками. По телеграфу прислал строгий приказ: еду от революционного правительства наказывать непослушных... и требует, чтобы все советы готовились к его встрече.

В нашем совете забеспокоились, особенно большевики. Егор прибежал с завода злой, говорит сквозь зубы:

— Не пустим мы этого карателя!

Ушел в Канавино.

Решили поезд Верховского не подпускать к городу, устроить на путях из Москвы засаду (в засаду пошли канавинские красногвардейцы и наша сормовская рабочая охрана).

..... Верховский пронюхал про нашу засаду и приехал в Нижний по Казанской железной

дороге (к Ромодановскому вокзалу). Издал второй приказ: всем полкам — сдать свое оружие, советам — явиться к нему с повинной (чтобы шли с белым флагом и останавливались за 100 шагов, не доходя до него).

Явились к нему все, говорил суровую речь. Революционный комитет расшугал, назначил своего начальника гарнизона — прапорщика Змиева (эсера). Все солдатские винтовки свозили к Ромодановскому вокзалу и сваливали там в кучу. Обезоруженных солдат 62 полка отправили на фронт.

Восстановились старые советы. Арестовали несколько солдат, как зачинщиков восстания, посадили их в тюрьму. Собираются отправить в Москву — судить.

Одним словом, все восстание — насмарку. А меньшевики в совете снова стали кричать о большевиках как о врагах революции Эх!...

ЗА НОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

..... Мы здесь все никак не соберемся с силами, только читаем в газетах, что говорит товарищ Ленин о революции и о рабочей власти, — а в Питере началась уже настоящая война с Временным правительством. Заводы бастуют, каждый день происходят рабочие и солдатские митинги, выставляются большевистские — ленинские — требования: «долой министров-капиталистов», «вся власть — советам», «земля — крестьянам», «долой войну».

Я говорю про это Егору и Ермилову, а они в усы усмежаются, в один голос говорят:

— Силы накапливаем...

Агафья похудела. Днем — на работе или в совете, ночью газеты читает. Хорошо начала разбираться.

В городе начала выходить большевистская газета «Интернационал» (это значит — международное объединение рабочих). Егор, как маленький, радуется: сам вслух читает и Агафью заставляет. Газет здесь издается много, а нашей ни одной до сих пор не было: у буржуазии своя газета, у черносотенцев (кто за царя) — своя, и у меньшевиков, и у эсеров. Теперь и у нас — своя газета. Рабочие по заводам на ее издание деньги собрали.

..... Событий как-будто особенных и нет, а чувствуется, что каждый день по особенному проходит и что вот-вот разразится что-то новое — восстание ли, новая ли революция. Сначала думал, что так только мне кажется, — а все на заводе тоже так говорят. Что-то будет...

На заводах переизбираются депутаты в Совет. Большевиков проходит все больше, выносят резолюции: «власть — советам». У нас в Сормове эсерам наверное будет крышка: в совет и завком сплошь пройдут большевики. После солдатского восстания и карательного наезда Верховского рабочие везде очень

злы на Керенского с его правительством и на «прихвостней», как называет Егор меньшевиков и эсеров.

... Товарищ Ленин правильно предсказал: достукалось соглашательское правительство до мятежа против революции. Выискался такой генерал — Корнилов — решил устроить переворот, большевиков отовсюду прогнать, а себя сделать главой правительства. Буржуазии это, конечно, на руку... Временное правительство перепугалось. Выпустило приказ об аресте Корнилова. А само потакало его выступлению, призывало к борьбе с большевиками...

Везде создаются Революционные комитеты на случай борьбы с Корниловым. У железнодорожников Революционный комитет следит за тем, чтобы не пропускать корниловских войск.

В Сормове тоже Революционный комитет организован.

... Агафью отправили в деревню.

Очень хорошо, а то исхудала она, того и гляди — расхворается, а с едой у нас опять плоховато...

... В Нижегородском совете большевиков стало много. Да не на всех еще заводах и переборы произведены.

Егора выбрали в Исполнительный комитет нашего Сормовского совета.

ВСЯ ВЛАСТЬ—СОВЕТАМ

... В Нижегородском совете большевики начинают твердо проводить свою линию. Соглашателей еще много в совете, но они уже чувствуют, что рабочая революция все равно придет, — и начинают крепче усаживаться в городской думе. А там — только четыре большевика, а остальные — эсеры (всех больше), меньшевики, а рядом — заводчики, парходчики. Совет и дума — точно две вражеские крепости. Совет крестьянских депутатов — как-то в стороне (в его Исполнительном комитете все эсеры). Это потому, что совет давно не переизбирался, теперь крестьяне тоже засыпали свой совет требованиями о мире и о земле.

... Новая революция надвигается, как гроза. Егор говорит:

— Мы все как перед атакой. Вот-вот будет команда, — и все бросимся в бой...

Из Питера получены известия: Петроградский совет принял постановление о переходе власти в руки советов. Создан большевистский Революционный комитет. Центральный комитет большевистской партии вынес постановление о подготовке к вооруженному восстанию. Войска — в подчинении боевому Рево-

люционному штабу. Красная гвардия на заводах вооружена.

В Сормове и в Канавине—в ожидании атаки. Снова организован Революционный комитет. Буржуазия и соглашатели готовятся к борьбе с большевиками и надвигающейся революцией: организуют «комитеты самообороны» и вооружают их. Большевики ведут агитацию в войсках.

Егора вызвали для работы в Нижегородский совет. Я непрерывно езжу из Сормова в город и обратно. Для связи.

... Во Дворце свободы только что получены последние сообщения из Петрограда, их читают вслух и тут же обсуждают.

В Петрограде вспыхнуло вооруженное восстание против Временного правительства. В восстании принимают участие войска и рабочие. Восставшими занят телеграф, арестованы министры. Власть в городе—в руках большевистского Революционного комитета. Гарнизон Петропавловской крепости перешел на сторону восставших и направил крепостные пушки на Зимний дворец, в котором засели некоторые члены Временного правительства под защитой юнкеров и казаков.

Зимний дворец окружен восставшими войсками, броневиками, артиллерией. Крейсер «Аврора» готов в любую минуту начать обстрел дворца из своих пушек.

Открылся Всероссийский с'езд советов, который обсуждал вопрос о захвате советами власти в стране.

Вечером открылось общее собрание всех трех Нижегородских советов — рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевики и эсеры кричали о том, что рабочие не верят большевикам, что советы не должны брать власть в свои руки, потому что не справятся с ней. А когда секретарь собрания стал зачитывать одну за другой резолюции с заводов, с требованием передачи власти советам; когда представитель железнодорожников заявил, что все железнодорожники на стороне советов и не пропустят ни одного солдата с фронта для подавления восстания в Петрограде; когда большевик Федоровский сообщил последнее известие о падении Зимнего дворца и бегстве Керенского, — соглашатели сбавили тон. Чтоб оттянуть момент переворота, они предложили не выносить резолюции о захвате власти в губернии, а провести в течение трех дней перевыборы всех советов.

Большевики охотно согласились на перевыборы советов.

Собрание кончилось поздно ночью.

Я остался ночевать во дворце. Спал на столе, в канцелярии.

... Организован большевистский Революционный комитет. Ночью заняли телеграф. Ут-

ром решили занять все учреждения и об'явить о власти советов в городе.

... Утром к зданию советов с музыкой и с развевающимися знаменами пришли полки солдат, вооруженные канавинские красногвардейцы, рабочие с криками — «Вся власть советам», «Да здравствует рабочая власть!»

Власть в городе — наша, рабочая, большевистская. Заняты все учреждения и помещения буржуазных газет. Арестован начальник гарнизона Змиев. В полках новые командиры.

Встретил в коридоре дворца Егора. Усталый, бледный, а улыбается. Схватил меня за плечо (даже больно стало), кричит:

— Наша взяла, Мишутка!

... Был в Сормове, заглянул домой. В квартире пусто, холодно. Станным мне показалось, что теперь можно жить в такой квартире — точно в кротовьей норе: жить надо на народе, плечо к плечу!

На столе нашел письмо от Агафьи. Подумал: отцу теперь дела по горло, читать некогда, да и где я его теперь разыщу? Прочту Агафьино письмо. Кое-как прочел.

Агафья пишет:

«Сидела в Сормове — не знала, что в деревне идет такая развалиха. Что было старого — все валится, все ломается или уж сломалось. Крестьянина теперь не узнаешь. Торопится

устраивать новые порядки и чтобы все миром, сообща. Про царское начальство забыл, точно и не было, — народные выборные куда лучше заменяют всякое начальство...».

Потом о беспорядках:

«... А ленинской программе крестьян учить нечего: требования свои наизусть знают — земля и мир. Временное правительство ни в грош не ставят: говорилка, говорят, пусто-мола буржуазная. Беспорядков в нашем уезде (да и в других) очень много. То та, то другая деревня соберут сход и постановят: отобрать у помещика или у монастыря землю и всей деревней запахать ее. Так и сделают. Помещиков выгоняют. Помещичьи леса делят по справедливости между деревнями. В одном селе на попа за контрреволюционные речи рассердились, — выгнали его из дому и устроили в доме клуб. Сила большая — крестьянин...»

Всего не дочитал. Прочтем с Егором, когда кругом немного успокоится. Одно хорошо: в деревне все, видать, по большевистски переворачивается.

... В «Известиях» нашего Совета рабочих и солдатских депутатов напечатано постановление Всероссийского съезда советов о том, чтобы образовать для управления страной рабоче-крестьянское правительство, которое будет называться Советом народных комиссаров.

Председателем Совета народных комиссаров выбрали Владимира Ильича Ульянова (Ленина), а первым председателем Центрального исполнительного комитета советов Я. М. Свердлова, большевика, нижегородца,—которого у нас в Соромове хорошо знают: работал в партийной организации, на массовках выступал.

Я. М. Свердлов

Самое главное, значит, сделано. Теперь бы нам только здесь все поскладнее устроить (в городе, в деревнях).

В Соромове-то у себя мы устроим!

... Весь день бегал по городу с поручениями Революционного комитета, едва успел во Дворец к началу общего собрания нового Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Егора видел мельком. Слышал, как он, торопясь куда-то, говорил товарищу:

— Большевиков в совете, несомненное большинство...

Нечему и удивляться — думаю.

На собрании меньшевики и другие соглашатели опять спорили насчет того, что опасно захватывать советам власть в свои руки, и ссылались на Учредительное собрание, которое, мол, все вопросы решит. В конце концов советы приняли резолюцию большевиков. Резолюция такая же, какая была принята Вероссийским с'ездом советов: чтобы правительство было социалистическое и ответственное перед советами, чтобы немедленно заключить перемирие на фронтах, землю отдать земельным комитетам и на заводах ввести рабочий контроль.

Председателем Исполкома всех советов выбран товарищ Романов (сормович).

О рабочей власти собрание постановило: «Согласно постановления второго с'езда советов, власть в Н.-Новгороде переходит к советам рабочих и солдатских депутатов». Крестьянские депутаты побоялись голосовать за эту резолюцию: еще не сговорились между собою и с деревнями, а их эсеровский Исполнительный комитет против советской власти.

Бреду усталый домой и думаю: теперь уже немного осталось доделывать. Главное сделано. Эх, вырасти бы поскорее! Взрослые мне еще не товарищи, а с такими, как Ванька Шестопапов, мне и говорить не о чем...

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

... Соглашатели хотят бороться с новой рабочей властью. Потеряли места в советах, — ушли в городскую думу и там строят всякие планы против рабочей революции. Организовали «Комитет защиты родины и революции». У этого комитета задача — бороться с большевиками. Руководит всеми соглашателями городской голова — эсер Ганчель. Все заборы заклеил воззваниями к солдатам, к рабочим, к населению. Призывает бастовать и бороться всеми средствами с большевиками.

Ганчель прислал в Революционный комитет своих делегатов с требованием распустить комитет и передать всю власть думе. 'Даже смешно! Делегатам серьезно ответили: мол, Ревком создавали не зря, — распускайте-ка поскорее ваш контрреволюционный «комитет защиты»!

На стороне соглашателей — юнкера, вооруженные винтовками и пулеметами. Нужно было юнкеров разоружить, а потом с комитетом защиты можно бы разговаривать и по другому. Так и сделали: разоружили сонных юнкеров, а Ганчеля арестовали.

... Соглашатели пустили в ход другое средство против рабочей революции: агитируют во всех учреждениях за то, чтобы об'явить политическую забастовку против советской власти. На заводы с такой агитацией не пойдешь (за-

смеют), — а в городских учреждениях кое-где удалось: забастовали служащие в суде, в банках, в продовольственном комитете; земские служащие. Рабочие депутаты ходили к забастовщикам на собрания, уговаривали. Некоторых пристыдили: стали на работу. Другие еще бастуют, не хотят советской власти.

Буржуазия помалкивает и втихомолку поддерживает забастовки. Знает, что при таких условиях советскую власть строить очень трудно!

А мне тогда все это нестрашным казалось: бастуют-то ведь чиновники да несознательные служащие! Одумаются.

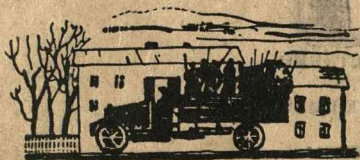
СОВЕТЫ У ВЛАСТИ

... На собрании советов принято постановление о создании в губернии власти из представителей — Совета профессиональных союзов, общезаводских комитетов, социалистической части городской думы, Железнодорожного союза, Почтово-телеграфного союза и Губернского земства. Эта власть будет ответственна перед советами.

Меньшевики и эсеры отказались войти в это наше губернское правительство: не желают участвовать в организации советской власти. Исполнительный комитет советов был создан из одних большевиков. Председатель Комитета — товарищ Романов.

На этом товарищ Миша поставил точку. Что было в девятьсот восемнадцатом и позже, — всего сразу не расскажешь. Об этом книги надо писать, об этом — вспомнил отцовы слова — «во всех уголках мира откликнется...»

И стал перечитывать свой рассказ.

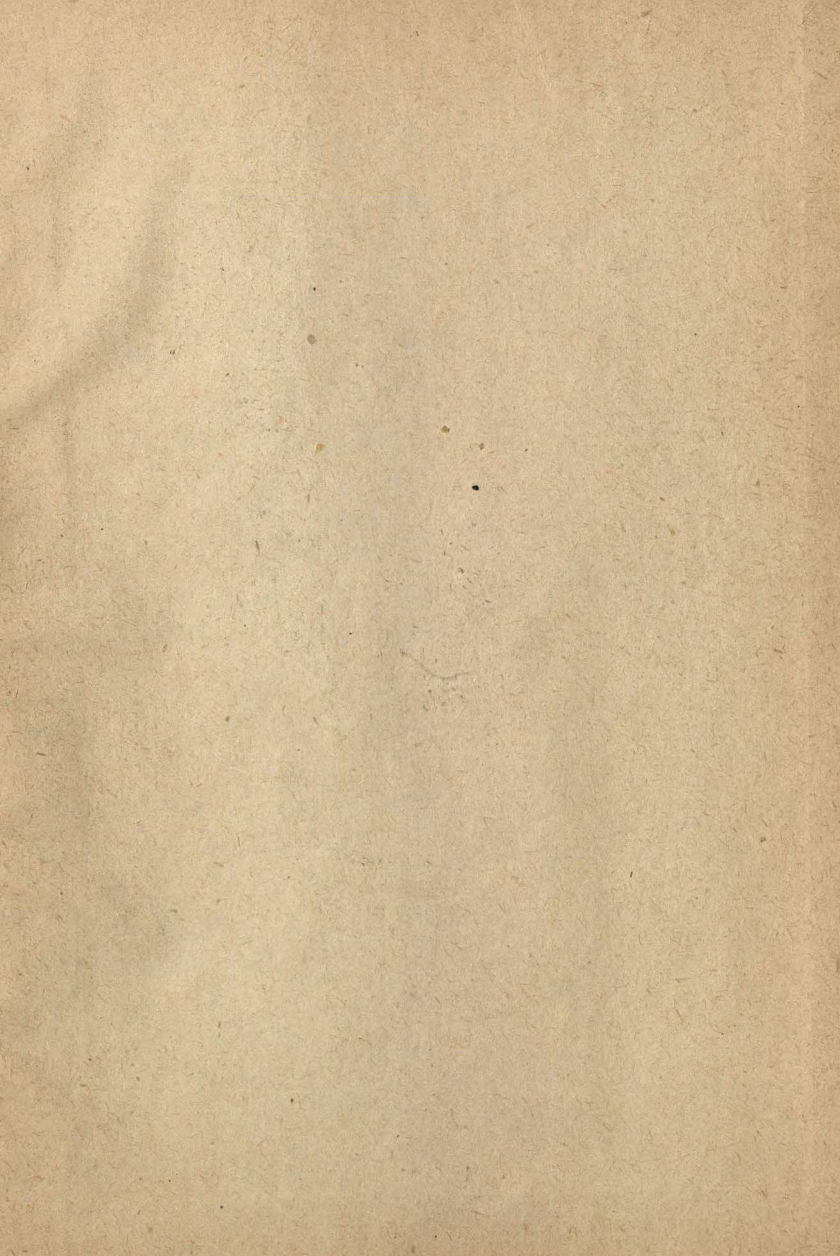

К О Н Е Ц

197.

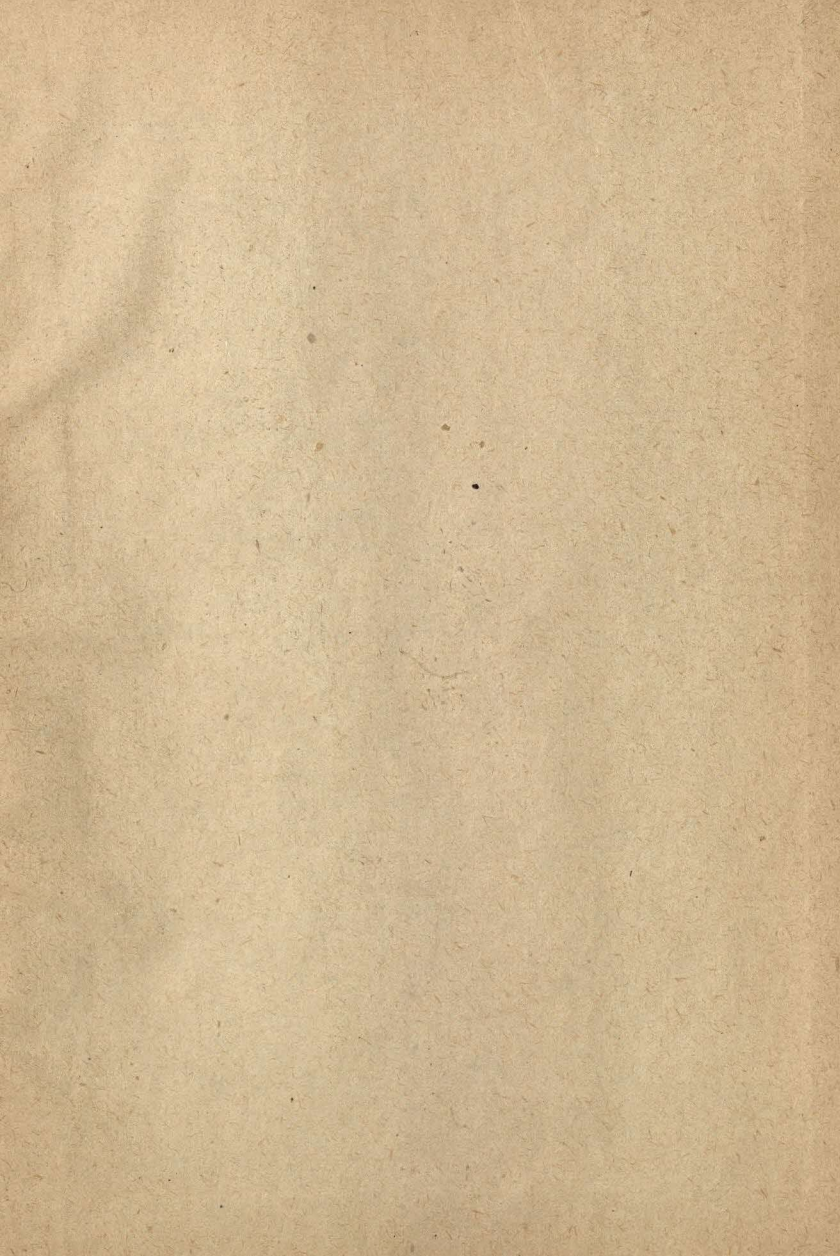
О Г Л А В Л Е Н И Е

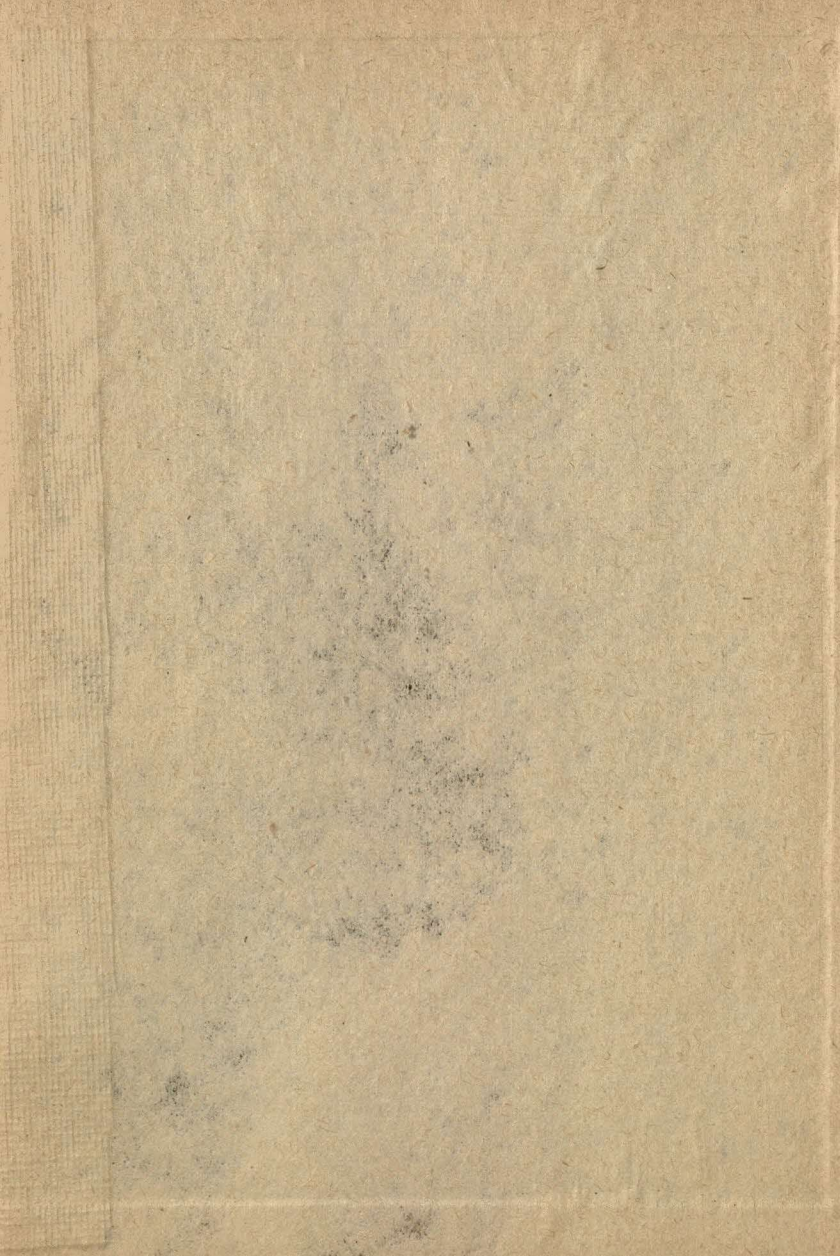
Революция впроголодь	5
Без самодержавия	22
Новая власть	32
Солдатское восстание	46
За новую революцию	51
Вся власть советам	54
Контрреволюция	61
Советы у власти	62

О Г Л А В Л Е Н И Е

Революция впроголодь	5
Без самодержавия	22
Новая власть	32
Солдатское восстание	46
За новую революцию	51
Вся власть советам	54
Контрреволюция	61
Советы у власти	62

40 коп.

8

